

Книги Вадима Денисова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Цикл
«МИР СТРАТЕГИИ»

СТРАТЕГИЯ. ЗАМОК РОССИЯ
СТРАТЕГИЯ. ЭКСПАНСИЯ
СТРАТЕГИЯ. СПАСАТЕЛЬ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВАДИМ ДЕНИСОВ

СТРАТЕГИЯ. СПАСАТЕЛЬ

РОМАН

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д33

Серия основана в 1992 году
Выпуск 796

Художник
В. Федоров

Денисов В. В.
Д33 Стратегия. Спасатель: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 375 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1293-8

Велик Мир Стратегии, и пока никто не знает насколько. Высок каменный донжон — главная башня Замка Россия, далеко с него видно в хорошую ясную погоду. Но любой кругозор конечен — что там прячется за бескрайними далями: лесами, горами и морями? Как устроились остальные народы Платформы-5, участники этого странного Эксперимента, чем они живут, к чему стремятся? Нужен взгляд со стороны, из-за границы. Из Новой Заграницы.

Может, еще и для этого начинает свою невероятную одиссею не совсем простой русский парень Федя Потапов, по непредсказуемой воле Смотрящих получивший странную и непонятную миссию: Спасатель.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1293-8

© Денисов В. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Краткое досье

Потапов Федор Дмитриевич.

Русский, родился в Москве, 29 лет, холост.

Образование высшее, инженер-строитель.

Последнее место работы: повар геопартии, оз. Таймыр.

Философ-романтик, практик экстремальных загородных нагрузок.

Сейчас: лежит, отдыхает.

ГЛАВА 1

Пробуждение. Особо интересна «попаданцам в перспективе»

Лежу себе, отдыхаю. В небо смотрю. Думаю.

Я по знаку зодиака — Близнец. Продвинутый. Поясню.

В мистику знаков зодиака я не верю, я верю в штамп зодиака. Поставили на тебя с раннего детства печать — будешь ей следовать, куда ты денешься. Если годами дуть в уши, что ты... такой... и вот такой... Что тебе, согласно знаку, свойственно вот это... Как тут устоять, постепенно таковым и становишься. Это не мистика, это NLP¹ в чистом виде. Так вот. Моя «продвинутость» в данном случае означает умение не сомневаться лишний раз в мелочах, предаваясь этим мукам лишь в критических ситуациях. Последнее я считаю полезным делом: немало людей свернули себе шею, пытаюсь тупо таранить стену непреодолимых, во всяком случае с первого

¹ Нейро-лингвистическое программирование — направление в психотерапии и практической психологии, которого не признает официальная психология.

взгляда, обстоятельств. Человеку нормальному вообще свойственно сомневаться, некоторые прислушиваются к этой норме, а об упрямых мы сейчас говорить не будем за их недолгоживучестью.

Сейчас мне очень нужно время для раздумий.

Поэтому через полчаса не встал, а устроился поудобней, да так, чтобы не видеть лишнего: и уже увиденного вполне достаточно. Лежа на спине, я поерзал по земле в поисках совмещения природных земных выпуклостей и собственных анатомических ямок, нашел, как мне показалось, оптимум — так пойдет, теперь можно еще полежать.

Взвесим все еще раз, а там уже видно будет.

Встанем, отряхнемся — тогда и осмотримся цепко, и в проблему взглянемся пристальнее. Тут такой нюанс. Если ты вынужденно оказался на краю пропасти, суетиться не стоит: за тебя уже подсуетились. Замри, подумай, сделай осторожно.

И еще. Мне страшно. Очень.

Никогда не верьте описаниям первых минут жизни «попаданцев» в новый мир, если в тексте на заднем фоне нет ясно обозначенной подложки из липкого въедливого страха, а то и ужаса. Я не очень вас удивлю, если сообщу: оказывается, первый, самый гадкий страх вызван не предстоящими открытиями, а резкой, обвальной потерей всего привычного, старого-доброго!

«Это что же выходит? Это значит, если именно так вышло, что я ничего из своей прошлой жизни никогда больше не увижу? Согласен, жизнь моя не была образцовой, да и итоги не столь радужные, как хотелось родителям, но это моя жизнь! Это мои итоги! Были...»

И вот это самое страшное слово «были» моментально сжимает твое сердце тискаами, сосуды сужаются — руки немеют от плеч до запястий, потом пульс подскакивает, дыхание учащается — так, что все тело дергается. Хорошо бы крикнуть, думается тебе, но если ты не полный debil, то орать не будешь, потому что понимаешь — кричать нельзя: не буди лихо, не зови новых напастей. Ты еще ничего про них не знаешь. Затаись, замри!

Однако, осознавая воспаленными мозгами еще и эту проблему — неизбежность узнавания Новой Среды, — ты вновь подставляешь трясущееся тело под липкий холодный душ.

Потом приходит понимание, что, вполне вероятно, тебе придется кардинально изменить способ жизни. Кто знает, как этот мир относится к убийству ближнего? Что в норме у местных? Кем ты должен быть или стать, чтобы выжить? Это в тексте легко — десять слов набил, и герой уже с мечом в руках, ниче, машет. Двадцать набил — вот он и с луком, готов всадить стрелу в человека. И чего он у себя во дворе в последний веселый раз не махал и не всаживал, когда его гопа пресовала, непонятно. Алло, попаданец! Тебе придется стать другим! Или сдохнешь.

И вот тогда накатывает вновь.

Страх слабеет этапами, снижая интенсивность, но все едино прессуя по полной. Вот представьте себе, что вы — всего-то! — прилетели из Москвы в деревню к родственникам, ну, например, под Омск. Одна страна, одни люди. Ан нет. И страна, как быстро выясняется, не совсем одна, и люди — не совсем одинаковы... А уж образ жизни, динамика, житейские нормы и правила...

А тут — радикальный пендель. Как оно покажется?

Я все это уже испытал.

Сейчас лежу вот, отдыхаю. В себя прихожу, точнее, почти пришел.

Ну что же, давай еще раз проверимся.

Итак, это не Таймыр. Конечно, может, это и конец июля, но точно не на северном Таймыре, авторитетно заявляю. Нет там деревьев. Кустики — и те в огромную редкость. Даже ягеля почти нет, поэтому местные нганасаны никогда сюда, в район озера Таймыр, не заходят: оленю на перегонах кормиться нечем. Дикий, правда, заходит вдоль рек... Промысловики называют его кратко, без всякой романтики: ДСО — дикий северный олень.

Вот лишайников там много.

А здесь деревья — эге-гей какие! Мало того, я их узнал.

Два больших ближних — это чинары. Платаны, если по-сочински. Все, кто был хоть раз в жизни в Сочи, на «Платанке», эти «лысые» деревья запомнили на всю жизнь. Но мне чинара запомнилась, прежде всего, во время полной ярких впечатлений поездки в Туркмению, когда я работал у газовиков. В Туркмении видел рекордный платан, местные говорят, что ему тысяча лет, называется Семь Братьев. Где-то на высоте в два человеческих роста основной пятидесятиметровый

ствол, в окружности метров под тридцать, распадается на семь стволов. Как тут не запомнить.

Хорошо, а если это все-таки Земля? Злая шутка коллег.

Могу ли я допустить, что Караганов меня спойл, потом прыгнул с бездыханным телом в вездеход, довез до площадки подскока, вызвал или перехватил пролетающую над нами вертушку, которой и переправил меня в Хатангу? Предварительно напихав в мой карман большую кучу денег; невменяемому Феде хватило финресурса, чтобы беспрерывно зависать до самого прилета в Адлер, а там — до последующей «белочки со стажем» и потери пульса в заповедном лесу с платанами? Или это слишком... хм... смелое суждение? Нет, не смелое — идиотическое.

Тогда что же случилось? Почему я здесь кулем валяюсь? В незнакомой южной местности и шибко не в своем часовом поясе? Ну, не инопланетяне же меня похитили?!

Конечно, можно самому себе заявить, что всего этого просто не может быть. Типа: «В моей жизни и в текущий момент окружающее меня пространство просто не может существовать!» Да... Не оригинально. У властей Римской империи в отношении христиан была умилительная по своей незатейливости и честности формула: «Вас не должно существовать!» — так что ничего нового тобой в мировую историю не привнесено. Так и топчешься на уровне развития общественной мысли образца второго века от Рождества Христова.

Может быть, я сплю? Убейтесь об стены, предполагающие такое. Если вы так и не научились осознавать и различать сон и явь, то вы давно мертвы. У любого человека сны бывают — провальные и чуткие, ясные и мутные — разные. Такие бывают? Не бывает таких.

Тогда допустим, что это и есть настоящее чудо! Ну как в Библии. Может, это библейское чудо? Туда в текст ничего нельзя добавить, а? Про меня? Обидно просто так в чуде участвовать, без документальной фиксации. А что? Библия является сборником легенд, притч и сказок, соединенных одной темой, — и со вполне благородной в принципе целью: научить общество жить правильно. Правильно, как минимум, с точки зрения создателей, «продолжателей» и хранителей Писания. Подумал. Нет, не влезть мне в канонические книги. Туда вообще что-либо за последнюю тысячу лет добавили? Чудес за тысячу лет не случилось? Не влезу.

А если порассуждать о галлюциногенных экспериментах или криминальном воздействии на себя, любимого? Хм... Какой может быть в арктических тундрах и пустынях криминал, кроме пьяной драки на зимовье? Не абсента же, излишне забористого, я набулькался: нет в тундре абсента. Есть мухоморы, но от них эффект слабый, на такие перелеты не хватит. Мало того, мечтать о столь ярких и реалистичных картинках, в сочетании с полным моделированием всех ощущений, может только книжник. Или человек, ни разу не пыхнувший, не вдвухший и не прибитый колесом.

Ну не фантастика же приключилась с Федей!

Как-то не кошерно. Не очень люблю я современных фантастов, в большинстве — детское. Мне не нравятся книжки, повествующие о ни разу не нужных и на родной-то нашей Земле «переносцах» в прошлое или попаданцах в мир эльфов. Редко цепляет.

Выводы?

Первым делом сразу бритву в руки — и... просто отсеки лишнее, так говорят фантасты, потрепанного Вильгельма Оккамушку¹ привлекают. Конечно, просто. И у Шерлока Холмса все очень просто, вот только повторить никто не может. А оккамовский этот штамп мне со времен «Лезвия бритвы» надоел. Тогда бери, Федя, любой другой ножик. Вон на поясе висит, родненький. Отсекай сам, без Вильгельма. Я вытянул руку вдоль левой ноги.

Точно, ножны на месте.

Все, Потапов, аллес, перелет Хатанга—Адлер на «арбузе» или «боинге» окончательно отменяется, САБ² не пропустит.

Приподнял голову и посмотрел на ноги. Да, ножик на своем месте. Кованный, массивный, из углеродки, я купил его на прошлогоднем московском «Клинке» у одного не очень известного мастера, пока вполне себя оправдывает.

Штаны тоже на месте.

Штаны у меня уникальные. Есть такая американская фирма «5.11». Модная. Всяк, относящий себя к любителям короткоствола, просто обязан их иметь, это любимая одежда российских практических стрелков. Вообще-то фирма производит снаряжение для охранных компаний и спецслужб, специ-

¹ Вильгельм Оккам — философ, схоласт начала XIV в.

² Служба авиационной безопасности.

фика покроя и детализировки соответствующая. Но у нас в стране это некий маркер практиков. Сразу скажу, я таковым не числюсь, просто друзья есть прибитые. В общем, пользовал я одно время такие штанишки, брал в общем заказе, когда братва оптом приобретала, — так дешевле. И простые «юзал», и полусинтетические Taclite Pro Pants. Особо хороши у фирмы сами выкройки — штаны просто удобно сидят, карманы эргономичные. Однако скоро при повседневной полевой работе недостатки выявились, и теперь на мне клон. «Пиратка». Пошили их в Хатанге, главной транзитной точке арктических экспедиций. Есть там такая Зинаида, всю жизнь исправляет ошибки производителей. Распустила старые на выкройки и сшила новые, оставив практически все, в том числе и дополнительный щелевой карман на правой штанине, да добавила на задние карманы клапана. Главное, что я поменял, — сам материал. Всем хороши фирменные, но продуваются они на раз и промокают, как джинсы. Клон пошит из материала экспериментального варианта палатки КАПШ, пострадавшей от пожара. Теперь им сносу нет, правда, внешний вид не такой нарядный.

Понятно, что в городах я в такой одежде не хожу. А вот в тундру хожу. Вот и пошел я с ружьем ранним утречком, чтобы пару куличков быстренько взять, для бульончика.

У всякой дичи есть свой привкус дичины, особый. Олений привкус мне не очень нравится, поэтому стараюсь мясо вымачивать, мариновать — для кулинарии крепкие привкусы вообще нежелательны, мы их и сами горазды создавать. Поэтому бросить в олений бульон для аромата пару куличков — интересный путь, благородная добавка. И лучку, жаренного до слабого «золота».

В этот день я планировал запечь в большой чудо-сковородке порцию тефтелей из оленины с рисом, а на первое сделать почти бешбармак, такой, пожиже. Естественно, тоже из оленины. Оленина у нас — по всему меню... Я храню ее прямо на воздухе. Если с самого начала большие куски мяса правильно обработать и вывесить в тени и на слабом ветерке, то мясо быстро покрывается черной корочкой, под которой хранится очень долго, не портится. Однако чтобы разнообразить вкусовую гамму мясного меню из одной лишь оленины — надоела она всем, что тут скрывать, — экспедиционному повару

приходится постоянно идти на хитрость, проявлять изобретательность.

Вот в штанах и лежу под платанами. Значит, действительно перенос?

Небо чистое. Ни облачка, ни самолета.

Никто не пролетел над одиноким Федей. Ночи нужно дожидаться — посмотрим, как тут со спутниками... Ладно, в передней полусфере я уже все изучил, будем потихоньку осматриваться дальше, ведь самое интересное — у меня за спиной. Там — изба.

Ноги вроде держат, а что чуть потрясывает, так это от страха, это нормально. Держись, Федя, еще не факт, что лучшее впереди.

Поясная сумка, куда я планировал складывать добытое, — «куликовка» — на месте, висит на поясе, сбоку слева. Встал я, выпрямился, куртку отряхнул от хвои и листьев — обыкновенная у меня куртка, без легенд, зеленая «колумбийская» двуслойка. Карманов на ней много, ценный фактор.

Ладонь зацепила твердое. Ага! Складной бинокль «Никон», лежит в нагрудном кармане — за то их и люблю, малышей, звезд с неба не... различают, но зато всегда при тебе. В другом кармане — мини-радиоприемник «сонька», с хорошими батарейками и куском проволоки она ловит китайцев, ночью особенно хорошо. Почему именно китайцев, я до сих пор понять не могу. Батарейки новые, проволочка смотана, лежит вместе с гаджетом. Включил, проверил все доступные диапазоны — ни хрена не нашел. Ну, другого и не ожидалось. Я выключил приемник и сунул его в суму: пусть лежит до лучших времен... или навсегда. Как срастется.

Кепка с ушами куда-то делась — вот это плохо, я к ней привык. На часы посмотрел — семь утра. Здесь же не семь утра, здесь день. Я посмотрел на небо: солнце почти в зените. Нужно будет точный полдень определить и примерное время выставить — прикинем, где находимся, если планета — земной аналог. Если не так, то часы смело можно выкидывать или оставлять как цацку для подарков агрессивным аборигенам с кукри¹ в руках.

Жаль, фонарика нет, но зачем он нужен в тундре полярным летом? Красная газовая зажигалка. Барган, он же варган.

¹ Национальная форма ножа у непальских гуркхов.

Это такой маленький музыкальный инструмент из металла, его в зубах зажимают, все слышали столь примечательный звенящий звук. Огниво старинное в мешочке с трютом и кремнем из куска пирита, в Новорыбном выменял, для коллекции. Маленький бутылек с репудином¹, знающие люди еще из старых запасов пользуют, экономно. В сумке — тканевый мешок, в нем хранится моя курительная трубка и воровской такой кисет с «табаком», дикая смесь молдавского самосада и австрийского ароматического, очень забористая и насыщающая. Более трех раз в день я не курю, но при выходе в тундру, по долгим и не очень делам, всегда беру с собой, иначе потери неизбежны, мужики могут и отсыпать, у них сигареты на исходе. Из трех наших активных куряк двое бросают, сами просили — мол, не буди, Федя, лихо, не вводи людей в блуд.

Патронташ на месте, восемь патронов 12-го калибра в одном магазине, дробь-«тройка». А вот «сайга» исчезла в неизвестном направлении. Для начала я ружье и поискал, как же без ружья. Стараясь не отвлекаться на преждевременное разглядывание избы, я тщательно обыскал все в радиусе десяти метров перед собой, не больше. Без всякого напряжения представил себе, как некий Писатель-фантаст — чисто живописец по виду, — гипертрофированно огромный, со свирепым, небритым и усталым от недосыпу лицом, держит меня, маленького, за шкуру над темным и страшным лесом. Еще и рукой покачивает, автор, мать его... — вверх-вниз, вверх-вниз, отчего я, как на резинке, прыгаю в воздухе детской игрушкой. Так вот отчего у меня голова кружится!

Потом бездушно отпускает, я — шмяк на землю, прямо на поляну возле избы в центре.

Не-а, дальше десяти метров при таких способах заброса «сайга» никак не отлетит. О том, что вследствие такого обращения садиста-писателя со своим перспективным главным героем должна отлететь и моя незаменимая голова, я как-то не подумал — не захотелось мне такого представлять.

Нет нигде моей «саежки», крякнула и улетела. А точнее, и не прилетала. Если это перенос, то я в этот момент в руках ее не держал — могу я такое предположить? И зачем мне теперь

¹ Диметилфталат (репудин)— надо понимать, средство от комаров.

те барнаульские патроны? Припрячем их до поры, хоть подорваться можно будет, если что.

Лады, этот пункт выполнен с отрицательным результатом: оружие не нашлось.

Теперь местность.

После безуспешных поисков утраченного «в полете» «ствола» я терпеливо обошел всю поляну по кругу. Результат примечательный: к таинственной бревенчатой избе не ведет ни одна тропка, тем более — проезжая дорога. Вкруг стоит стеной смешанный лес, девственный подлесок под кронами. Выходит, Писатель меня скинул не на верную погибель, а на заботливо, как ему, идиоту, подумалось, подготовленное место, поначалу запулив сюда избенку, к которой невозможно ни пройти, ни проехать.

Живи, Федя, радуйся! Птички поют, птичек много. Чирикают они мирно, ничем не встревожены. Где-то стучит дятел — приятно сознавать, что ты не один такой. По краю зеленой поляны течет ручеек, небольшой, возле дома тихий. Скинув куртку, я вдоволь напился, вода чистая, холодная. Посидел немного, вслушиваясь в организм, — ничего вроде. В кармане куртки есть несколько конфеток, однако энтузиазма это воспоминание не вызвало: нет аппетита, не отошел еще.

Я немного углубился вслед за игривым потоком в непролазные заросли акации — и вскоре обнаружил, что ручей уже метрах в двадцати от поляны начинает скакать ступенчатыми водопадами, постепенно сваливаясь куда-то вниз. Значит, я нахожусь на возвышенности. Или же на краю огромного лесного ущелья. Акация, елки-палки! И елки есть, но по виду — ну никак не таежные. Это какая-то очень и очень южная «тайга». Нет, это точно не карагановские штучки и не проявления боковых воздействий гипотетического коктейля «киргизские шишки под абсент».

Все гораздо хуже...

В избе никого нет, я в этом более чем уверен. Недаром же битых двадцать минут лежал и слушал. А вы думали, я только мысленно болтал сам с собой, ничем другим не занимался? Нет, и разглядывал, и прислушивался. Ждал. Там тихо — и я притих. Там звякнет — и мы забегаем. Полезно послушать неизвестное.

Пустой дом.

Изба рублена «в лапу». Сложная и аккуратная работа.

«В лапу» углы получаются немного холоднее, чем при рубке «в чашку», но зато их легче обшивать с наружной стороны, а еще менее критична «сбежность» — диаметрально расхождение бревна между комлем и вершиной. Редкий способ при строительстве лесных изб, чаще всего бревна соединяют с остатком — «в обло», или «в чашку», реже — без остатка, «в лапу». Именно так, «в лапу», рубили свои дома первые русские промысловики Таймыра, почему — исследователи до сих пор спорят. Позже они перешли на «остатный» способ, при угловой рубке «чашкой» вверх бревенчатые дома служат не меньше века, а то и больше. Особенно если сделаны из долговечного дерева, например из лиственницы. Здесь использована не лиственница — не вижу я в округе лиственниц, — елка. Ели на «писательском полигоне» растут солидные, но непривычные. Тоже ничего.

По длинным стенам хижины — по небольшому окошку, в одно бревно высотой, вытянутых. Окна закрыты мутными стеклами. На чердаке видны еще более мелкие слуховые оконца. Труба... Труба высокая, каменная, не наша. Дверь открывается наружу, значит, прочная, медведь не сломит, россомаха не сгрызет. В тайге и тундре сплошь и рядом ставят двери «для свободного доступа», там, где сделать действительно прочную конструкцию не позволяют возможности и обстоятельства. Пусть уж Хозяин зайдет, спокойно проверит, убедится, что ни хрена съедобного тут нет, и спокойно же уйдет, навалив кучу в центре комнаты, но ничего не сломав от нетерпения и злости. Здесь дверь — крепостная, ее и танком не свернешь, металла висит — как на главных воротах цитадели. Что тут... Внешний засов с вынимающейся пластиной, зверь не вытащит, внутрь никак не проникнет, а человеку открыть — раз плюнуть. Засов закрыт.

Я вытащил тяжелую пластину: возьму ее с собой.

Закрыв рукой глаза, с минуту постоял так, на слухе, потом решительно зашел внутрь. Так и есть, пластину можно вставить в аналогичный засов с внутренней стороны.

Запахов нет. Вообще никаких не чувствую, лишь легкая затхлость. Помещение до моего визита определенно не обжилось человеком, я у избы — первый мужчина.

Комната, как и ожидалось, всего одна. В центре — каменный камин с толстой дубовой полкой. Возле камина красуются вполне цивилизные каминные причиндалы, больше прису-

щие какому-либо австрийскому или швейцарскому шале, нежели одинокой избе, дьявол знает в какой дыре расположенной. Потолок поддерживают почерневшие от копоти толстые опорные балки. Над столом на длинной цепи, прикрепленной к одной из балок, висит небольшой светильник, старый, похоже, масляный.

Круглое зеркальце со старой амальгамой висит сбоку от двери. Посмотрел на себя. Бледно-голубые глаза, отчего мой взгляд, как считают некоторые, порой безжизнен, с чем я в корне не согласен. По-моему, очень приветливый взгляд. Сейчас слегка растерянный. Длинные светлые волосы, уже спутанные, нужно применять расческу — она лежит в кармане, алюминиевая. Все окружающие меня мужики — частью лысые, частью бритые, остальные коротко стрижены. И поэтому я хожу по миру конкретно волосатый, стадность во мне совершенно не развита. Хотя, если честно, постоянно хочется постричься накоротко, так удобней и проще. Кепки вот нет... Нужна либо повязка, либо бандана, а где взять — пока не придумал.

По другую сторону двери в стену вбиты пять больших кованых граненых гвоздей. Годится. Я повесил на один из них куртку, надолго. Даже если отстегнуть и надеть лишь внутреннюю, легкую, все едино будет жарко — на улице стоит полдень южного лета. Остался в легкой темно-серой хлопчатой рубашке. Закатал рукава: так вполне комфортно.

Возле одного оконца стоит стол-козел, рядом лавка, широкая, длинная. Я присел на секундочку — устойчивая. Еще одна, точно такая же, у противоположного окна. Возле дальней от двери боковой стены — большой комод с дверцами, выдвижных ящичков нет. На нем еще один светильник, настольный.

Под потолком по всему периметру избы прибиты широкие деревянные полки, что там есть ценного и есть ли вообще пригодное, мне пока не видно — темно. Разглядел в углу какие-то банки или коробки. Уже обнадеживает. Там будем смотреть в последнюю очередь: обожаю сюрпризы. На каминной полке нашелся небольшой чайник, медный, старинный, рядом с ним медные же кружки, две штуки. На столе — две миски ручной работы, со следами чекана и выколотки, раритет, сейчас такие разве что на Ближнем Востоке делают, и нормальная стальная ложка-«столовка». Ложка всего одна,

из чего можно предположить, что напарника мне Писатель-фантаст скидывать пока не собирается, разве что сам найду такового на свою волосатую голову. Прямо скажу, пока в соседях мне никто не нужен — ни хороший, ни плохой. Самому бы с траблами разобраться. Хотя прекрасная незнакомка никогда не помешает, а сейчас даже и помогла бы — расслабиться.

Сбоку от камина на стене висит средней величины сковорода с длинной ручкой и небольшой котелок, рядом маленькая поварешка на деревянной ручке. Все из меди.

На дощатом полу — пустое чистое ведро и большущая корзина из тонкой проволоки, надо полагать, для складирования и хранения дров. Дорогая вещь, штучная, и, главное, непонятно — зачем она в данной ситуации нужна? И чего это вы тут цивилизные такие? Вязанками нельзя, что ли, неприлично будет — на чистенькие половицы дрова скинуть? Не положено нормами «красивого попаданства»? Внутри камина установлена кованая жаровня на четырех ножках. Вытащил я ее и поставил на пол рядом.

Сколько же во мне терпения — аж гордиться и хвастаться хочется!

Все в комнате осматриваю, старательно делая вид, что не замечаю самого главного — одинокого листа бумаги на темной столешнице... Но делать нечего: невозможно с таким сильным магнитом вдумчиво исследовать помещение. Осматривать, конечно, можно, вот вдумчиво — никак.

А вот сейчас вы меня оцените по достоинству!

Поймете, что такое есть обстоятельность, и представите, насколько сложно человеку сугубо урбанизированному, родившемуся на Овчинниковской набережной, в двух шагах от станции метро «Новокузнецкая», обрести сугубо таежное свойство. Это школа. Тут недостаточно одних лишь поучений старожильцев. А вот поживете пару раз, как я, битый месяц, ожидая никак не прилетающего вертолета с оказией примерно в такой же избе, но без шикарного антуража, — оно само и проявится. Постепенно. Всю жизнь борюсь с «близнецом», стараясь всадить в себя часть «тельцовости».

Я встал, взял пустое ведро и вышел во двор.

Уже спокойно черпнул чистой родниковой воды, занес ведро в дом, потом прямо на границе леса набрал сухих веток потолще. Кору древесной взял, притащил два небольших пе-

нька, старые комли, из земли вышли еще при падении деревьев, один приподнял, по другому треснул от души — вот вам и обломки вполне приемлемой для топки толщины. Правда, все равно стоят как порох: трухи много. И ничего, дрова больше для дыма, для уюта. И для маркера — «тут я живу», «место занято». Любой хищный зверь, даже самый суровый, на дым не сунется без особой нужды и причины. Набрал молодых плодов шиповника, кое-как выбрал чагу — попробуем, — цвета липового, побегов березовых, полевых цветочков.

Вернулся в дом, развел огонь в камине, после чего вышел на улицу, посмотрел, как начинает подниматься дым над трубой. Поставил чайник на жаровню. Запер дверь.

Все, хорош тянуть кота.

Взял в руки лист бумаги, примерно с А4, перевернул его.

И повис.

В лист бумаги когда-то заворачивали бомбу и забыли ее вытащить.

Текст в столбик, жирными русскими буквами. Стиль написания — словно пациент дурдома дорвался до пишущих принадлежностей, выплеснул на бумагу свои представления о мире. Все слова знакомые, но смысл уловить непросто, авторы документа постарались на славу, чтобы усложнить мне жизнь.

Платформа: 5

Тип поверхности и рельефа: 3Б

Агрессивность среды: общий режим сезонно

Плотность биоценоза: средняя

Техногенная плотность: средняя

Тип поселения: особое — Спасатель

Форма поселения: укрепленное, тип 0, без спутник-комплекта

Стержневой этноформат: русский, мужчина

Характер инфокоммутиации: отсутствует

Характер донор-акций: дискретный, особый внешний режим

Вводная донор-акция: эксклюзивное оружие-идентификатор

Наблюдение: особый режим

Генеральная задача: спасательный режим

Дополнительные задачи: отсутствуют

Степень самостоятельности: полная
Ожидаемая адаптация: выше средней
Ожидаемый откат: не ожидается
Ожидаемая организация: индивидуально
Ожидаемая дезорганизация: ниже средней

Условия входа в спасательный режим:

Для внешнего включения спасательного режима необходимо в произвольный отрезок времени организовать и задействовать представленный собственный ресурс Спасателя сообразно представляемым задачам и способам их решения, создав работоспособный селективный кластер. Возможно не только воссоздание первичного селективного кластера, но и организация нового при условии наличия стабильно функционирующего кластера численностью не менее 120 человек на базе фиаско-поселения селективного типа.

Не допускается функционирование Спасателя на двух и более селективных кластерах, вне зависимости от причин совершения попыток.

Срок завершения организационного процесса не определен.

В случае успешного выполнения условий предоставленный или любой другой лист бумаги с личными данными и отпечатками всех пальцев необходимо положить на донор-панель выбранного поселения селективного кластера (анклава). После чего необходимо выйти из операционного зала и ждать появления сообщения на дисплее инфоканала даже в том случае, если аппаратура предварительно разрушена.

При выполнении всех условий откроется дискретный донор-канал.

Материальная поставка будет производиться по оперативному ассортиментному заказу ежедневно в одно и то же время.

Формат канала:

1. Группа предметов и товаров материального жизнеобеспечения и потребления — ассортимент неограниченный по качественному и количественному составу.

2. Группа вооружений — ассортимент вариативно ограничен по количественному и качественному составу.

3. Общий максимальный суммарный вес по всем группам заказываемой ежедневной доставки — 300 кг. Общий вес ежедневной поставки (ширина канала) может изменяться в зависимости от ряда факторов.

4. Время ожидания от момента окончания ввода перечня до момента начала работы канала — не более 2 минут.

5. Время сеанса ежедневной донор-акции от начала ввода до завершения поставки — не более 40 минут.

Определяющее: в случае невыполнения любого из указанных условий оба канала сворачиваются, кластер переходит в автономный режим, генеральная задача снимается, наблюдение переходит в общий режим.

По-моему, самое время покурить.

Я не трубочный гурман, у меня и трубки бриаровой нет. А вот небольшая вересковая есть, старенькая, мне ее один топограф подарил по выходе на пенсию. И курю я не для удовольствия гедонистического, а по причине банального удобства — пачка не помнется, не промокнет в кашу, соблазнов на раскурку куда как меньше, чем с сигаретами в кармане, лишний раз никто не стрельнет. На скорую руку не пыхнешь. Сплошные плюсы.

Курил я неторопливо, редкими слабыми затяжками, пускал в потолок синий витой дымок. Стараясь поддерживать наконец-то установившееся спокойствие, посильно размышлял о только что открывшихся обстоятельствах. И возможных неприятностях, связанных с ними. Отца, конечно, жалко... До слез. Он в Москве живет — я планировал в начале отпуска заехать к нему, а потом уж двинуть куда-нибудь на моря. Девушки у меня нет, перед сезоном порвал все связи. Ну, в Хатанге есть. Зинка, но это не в счет. Хотя и ее терять не хочется — классная она баба, надежная. Работу? Не, тут проще. Работа и работа. А вот зарплату за сезон — еще как жалко! Где тут касса? Заплатите по ставке, сволочи писательские!

Интересный документ. Многообещающий.

Понятно одно: Писатели без всякого согласия с моей стороны уже подрядили меня на какое-то мутное дело. Нет, «писатели» — термин не совсем подходящий. Тут, как я посмот-

рю, не пишут, тут сразу — за шкуру и в омут. Пусть будут еще и Кукольники... Кстати, в документе нигде не сказано, что я непременно должен выполнять непонятную пока миссию, санкции за отказ Кукольниками не обозначены, так что варианты у меня есть! И кто они, эти Кукольники? Зеленые черти из тарелки вертикального взлета или новые божества? Какие такие божества... Те, что на карикатурном облаке сидят? И какой религии? С религиями после такого узнавания вообще сложно. Хватит, давай о текущем, земном. А что, Федя, ты все еще считаешь, что стоит думать о земном? Может быть, ты все еще думаешь, что на Земле находишься? Даже после получения столь примечательного мобилизационного предписания?

Кипяток давно поспел, и я принялся экспериментировать с заваркой. Чагу выкинул сразу — негодная, а остальное пошло в дело. Выждал время, нацедил себе в кружку, отхлебнул. Файн¹. Поехали.

Раз за разом я перечитывал подкинутую Кукловодами бумагу, постепенно обрастая догадками и предположениями одно смелее другого. Первые строчки столбца хоть и частично, но расшифровываются — это те самые условия места, в которое меня закинули. Реальной пользы от такого понимания немного, если у тебя нет таблицы всех возможных значений. Некоторые записи откровенно настораживают, и к ним нужно будет возвращаться в поисках зацепок. Однако что толку напрасно гадать о правильном представлении понятия «селективный кластер», если так мало исходных данных? Селективный... То есть там кого-то или чего-то отбирали, фильтровали, отсеивали. Избранные? Может быть, и так. Ну, и зачем они, такие богоизбранные, нужны? И кому?

Кстати! А что мне лично за какое-то там навязанное «спасение» положено? Медаль из рук Президента в Екатерининском зале, куча денег, «Шкода-Суперб» в подарок или возвращение на берег пустынной тундровой речки?.. Почему не обозначили профит, начальники? Я два года назад уже работал в МЧС, ушел — и ни разу о том не жалею. В реале эта структура — совсем не то, что вы видите по телевизору. Закостенелый монстр, бездонная бочка, финансовая яма.

¹ F i n e — отлично, классно (англ.).

В принципе что-то понять можно, неясна лишь основная задача. Это вопрос номер два.

А вопрос номер один прост, как пифагоровы штаны: хочу ли я быть этим самым Спасателем? С какого перепугу я должен кого-то спасать, если и сам тут, как потерпевший, на птичьих правах, без снаряги и еды?

Пока не знаю... Сейчас я хочу вдумчиво и с наслаждением осмотреть амбары, прикинуть свои шансы, познакомиться с миром, причем очень осторожно, а там видно будет. До момента очередного прояснения ситуации никаких активных действий в духе следования столь романтическим инструкциям с моей стороны предприниматься не будет. Первые три дня, а то и поболее, вообще никуда соваться не буду. Впереди неизбежная многодневная акклиматизация, я ее уже начал чувствовать. Мутит сильно. Про акклиматизацию я все знаю, постоянно с этим сталкиваюсь. Лучшего места для адаптации и перенастройки организма на другой климат, чем эта изба на поляне, и придумать трудно.

А вот теперь о закромах! Первым делом я полез в комод — и не ошибся: ништячное оказалось место.

На верхней полке лежал пистолет.

Как говорил Бернард Шоу, «даже почтенные джентльмены испытывают непреодолимую страсть к игрушечным пистолетикам». А что ж тогда говорить о пистолетах больших? Большущих. С полки на меня грозно смотрел «Маузер К-96» с кобурой-прикладом из крепкого дуба, обшитой кожей, с карманчиками и инструментом, с портупеей через плечо и патронами во многих картонных пачках. Почему-то я первым делом принялся считать забавные бутылкообразные патроны, сразу вытащил на белый свет коробку, поставил на стол.

Маузеровские пистолетные патроны 7,63 мм были укупорены в картонные пачки по 50 штук и уложены в большой короб. Взял одну пачку в руки — тяжелая, зараза! На крышке картонной пачки — этикетка следующего содержания:

«50 Originalpatronen zur Mauserselbstladepistole Wr 403 kal 7,63, Deutsche Waffen Munitionsfabriken A.G., Berlin-Borsigwalde «DWM». Erosionssicher quecksilber und rostfrei».

Перевести несложно... «Пятьдесят специальных патронов для самозарядного пистолета маузер. Wr 403 kal 7,63 мм — тип 403, калибр 7,63 мм. Акционерное общество германских заводов оружия и боеприпасов Берлин-Борзигвальд...» «Erosi-

onssicher quecksilber und rostfrei» — подумал и перевел как «не подверженные эрозии и нержавеющей».

Всего имелось двенадцать пачек по пятьдесят патронов — шестьсот штук. Много это или мало? Мои знакомые «тактики», завидев столь малый боекомплект, хором заорали бы: «Мало, мало, давай тыщи!» Я не знаю. Я вообще не знаю, нужно ли, и как часто, в этом мире стрелять. И по ком. Знаю, что и этот вес, если придется тащить на себе (а как еще?), потянет на больше чем шесть килограммов.

Вот что интересно, все патроны — я вытащил пару блестящих «маслят», посмотрел, — как и сами пачки, абсолютно новые, свежие, ни за что не скажешь, что выпущены в начале прошлого века! И о чем это может говорить? И почему мне дали именно старые? Наверняка же выпускаются новые, на Западе, по-моему, вообще все патроны мира до сих пор выпускаются, так или иначе.

Да и вообще... Пистолет, конечно, авторитетный, с крепкой историей, мощный, но все же устаревший. Где «глоки»? Я еще раз взял в руки «регламент», просмотрел вновь и сразу зацепился глазами за строчку:

2. Группа вооружений — ассортимент вариативно ограничен по количественному и качественному составу.

Не с этим ли связан выбор столь старой модели? Что, если Кукловоды таким образом искусственно ограничивают степень вооруженности имеющегося населения?

Кстати, а население тут с ниточками, или и местное имеется? Что-то неохота мне с эльфами встречаться, это смажет картину — не хочу разочаровываться в Писателе Сценария. Да и гемор лишний. Однако бумага никак не указывает на наличие в этом мире «магий», «артефактов» и прочих «упростителей сюжета».

Тут такой нюанс: по всему выходит, что, кроме Спасателей, таковое оружие никто иметь не может, скорее всего, на всех мыслимых Спасателей — одна и именно эта модель пистолета. Иначе что это за «идентификатор»!

К пистолету прилагалась инструкция по эксплуатации — странная, старая, чуть ли не южноафриканская, несколько топорно переведенная на русский язык и дополненная табли-

цами характеристик, результатами испытаний и рекомендациями.

Для начала всем уважаемым покупателям полуавтоматического маузера любезно сообщалось: «Вблизи дульного отверстия пистолет пробивает еловое дерево в 26—28 см, а также листовую сталь в 3 мм. Живая лошадь, в левую сторону груди которой выстрелили с расстояния 40—50 метров, была убита наповал. Пуля проникла на 43,5 см, причем частью пробилла, а частью раздробила много встретившихся на ее пути костей, не обнаружив ни малейшего изменения своей формы». По точным же техническим данным «Маузер К-96» калибра 7,63 мм с длиной ствола 140 мм на 50 метрах пробивал сосновое бревно толщиной 225 мм, а с 200 метров — 145 мм. Убойная машинка, говорил мне текст. Вот и хорошо, будет что почитать перед сном.

Я собрал маузер воедино с кобурой, зарядил, приложился. Не могу сказать, что это удобно. Была у меня одно время браунинговская мелкашка — производители взяли пистоль, удлиннили ствол и приклеили к нему деревянный приклад. Так вот там примерно то же самое. Опять детскость.

Значит, договорились, это и есть то самое «эксклюзивное оружие-идентификатор», полученное Спасателем согласно «вводной донор-акции». Выходит, так. Или я тороплюсь? Тороплюсь.

Хм... А нижняя полка? Федя, кто за тебя там будет смотреть? Вася?

На нижней полке таилось...

Что там говорил держатель ниточек Бернард Шоу?

В открытой черной кобуре лежал маленький револьвер. S&W Model 60 LS, «Chiefs Special Stainless Lady Smith». Хромированный, но не ярко блестящий, а сатинированный, чтобы зайчиков не пускать. Двухдюймовый ствол, пять камор в барабане. Компактный вариант, целиком выполненный из нержавеющей стали — хорошо, уход упрощается. Калибр — «.38 Special». Популярная штукенция, кинематографическая. В кино герои-сотрудники полиции вытаскивают такой «План-Б» чуть ли не из носка. Модель вполне традиционной конструкции, с ударно-спусковым механизмом двойного действия, барабан откидывается влево.

Этот ствол я знаю хорошо. Отлично знаю. У меня такой есть. Был... И не травматик, а нормальный. Не спрашивайте,

зачем и где взял, там их уже нет. Дорого отдал, признаю. С другой стороны, пока мужчина играет в дорогие игрушки, он не стареет.

Неужели Кукловоды револьвер вычислили?

Патронов, с моей точки зрения, более чем достаточно. Только подумал — и тут же услышал вдали негодующий рев друзей-«тактиков»: «Мало, мало! Тышу-тыщу!» Двенадцать пачек по 50 штук в каждой. Итого — еще более шести килограммов на спину. Интересно, почему именно по двенадцать в обоих случаях? Десять логичней было бы. Нет, обманываюсь. Привычной.

Прикинув, я сразу нацепил маленькую кобуру со «смитом» на ремень, с правой стороны. На штаны не стал, хоть на заднем кармане для таких целей имеется специальная стропа: не нравится такой способ. Маузер постоянно таскать — возненавидишь любое оружие в принципе. А судя по тому, как мне преподносят этот новообретенный прекрасный мир Кукловоды, без ствола здесь никак нельзя. Легкий небольшой револьвер в постоянной носке — разумный компромисс. Вскрыл одну пачку, забил пять «маслят» в каморы барабана, еще пяток кинул в карман.

Небольшая металлическая фляжка круглой формы с маслицем, потряс — полная. Несколько пустых холщовых мешков средней величины, кусок хлопчатой ткани зеленого цвета — похоже, бандана все же выкраивается.

Теперь я при оружии. Решено: завтра же устрою на поляне стрельбы, расставлю в ряд мишени — и будем учиться, вспоминая уроки спецов. Или сегодня? Мутит все сильнее и сильнее. Голова кружится, одышка. Слишком резкий бросок из одного климата в другой. Давай завтра.

Так, что дальше, господа организаторы? Или вот это и есть все, по мнению Кукольников, необходимое местному Спасателю, — стволов накидали и типа откупились? А где умклайдет, где боевые и обучающие артефакты с хитромудрыми рунами, исцеляющие талисманы с «вечной батареей», где желтоватые свитки заклинаний и синие искрящиеся жидкости в пробирках, твердокаменные накопители маны? Вы никак обдурить меня хотите, думаете, я в Обливион не играл.

Ладно, засчитываем и этот арсенал, но где гладкоствольное оружие, господа фантасты?

Я что вам, с пистолетами на птицу буду охотиться? Вы вообще представляете себе, что такое ходовая охота в тайге? В поисках так необходимой мне ружбайки я честно перерыл весь сундук, еще раз обыскал невеликую комнатку — нет ружья.

Кинули. И вот это очень плохо.

Похоже, Спасателям тут особой форы, как и привилегий, не предусмотрено.

Плохо понимаю, как из этого карлика или революционного монстра бить птицу влет. Единственная надежда на то, что они тут еще не пуганы и высидят на ветках необходимое для скрадывания и прицеливания время. И тем не менее... А медведь? А волк? Тут такой нюанс: я хорошо себе представляю, что такое пуля двенадцатого калибра в упор, каково ее останавливающее действие, — никакой медведь не выдержит удара. А эти «пестики»? Одно дело — в кино бизонов валить, другое — в реальной жизни остаться один на один с крупным хищником. Правда, грамотная маркетинговая фраза из руководства: «...Живая лошадь, в левую сторону груди которой выстрелили с расстояния 40–50 метров, была убита наповал. Пуля проникла на 43,5 см, причем частью пробила, а частью раздробила много встретившихся на ее пути костей...» — несколько обнадеживала, но не успокаивала.

Решительно, сегодня же, если к вечеру хоть чуть поправлюсь, необходимо устроить на поляне грандиозную пальбу.

А пока обыскиваем дом дальше.

Я подвинул стол к стене, забрался на него и осмотрел широкие потолочные полки. Проклятье, да они практически пусты, только в дальнем углу — банки и два бутыля. Хотя первый и последний найденный мной инструмент очень ценен. Небольшой яркий топорик «фискарс», они по всему миру по древесине тюкают, все мировые маты слышали. Очень полезная вещь. И пластиковый чехол имеется. Потащил стол через всю комнату, вскарабкался. Ого! Льняной мешок с мукой, немного, килограмма на три. Так, а что у нас в банках? В первой была гречка, тоже килограмма три. Во второй — соль крупного помола, ее с килограмм будет. В третьей хранился кусковой сахар, серый, твердый, как гранит. Такого в столицах не увидишь, а вот в отдаленных поселках — запросто. В некоторых семьях до сих пор пользуют бабушкины щипцы для колки кусков. Его вприкуску употребляют. В самой маленькой закру-

чивающейся жестянке хранился черный чай без опознавательных знаков. За-апах!

Живем!

В стеклянном бутылке, примерно литровом, тяжело плещется растительное масло, понюхал — не подсолнечное. Мутное, нефилтрованное. Оливковое?

С комнатой покончено, остался чердак.

На чердак ведет массивная приставная лестница. Осторожно полез — голова кружится, — поднял и откинул дощатую крышку. Ну что ты будешь делать! Чердак тоже пуст. Лишь толстый слой опилок под ногами, ботинок тонет. Значит, холода и снега тут бывают. Напротив дальнего слухового окна стоит реальный такой табурет. В первом порыве хотел было спустить красавца вниз, учитывая дефицит мебели, но почти сразу же решил оставить тут: наблюдать удобно. Сел себе на чердаке — и смотри на приближающегося неприятеля или ходячий обед.

Обернулся... вот! Не все месторождения найдены!

По сторонам от ближнего слухового висели: с одной стороны — плащ-палатка, с другой — рюкзак из плотного зеленого брезента. Я его узнал — у моего отца до сих пор такой в кладовке висит: «абалаковский», то есть конструкции знаменитых братьев Абалаковых. В те дальние советские времена, как мне рассказывал папка, было всего два вида более-менее пригодных для поля туристических рюкзаков: «яровский» — дуст, и «абалаковский» — гут. Так мой папка говорит. «Яровский» рюкзак — с двумя шнуровками по бокам, позволяющими регулировать объем. Лямки крепятся в верхней части рюкзака при помощи репшнура, проходящего через люверсы горловины. Изготавливался из тонкого брезента. Хорош для походов в тайге, тундре, зимой. «Абалаковский» рюкзак изначально разрабатывался для альпинистов и горных туристов. Шился он из толстого брезента и имел два узких брезентовых ремня с замками, охватывавших весь рюкзак. В месте крепления лямок к рюкзаку в верхней части вшивалось стальное кольцо для подъема и спуска рюкзака на веревке. «Яровский» и «абалак» использовались до появления станковых рюкзаков и синтетических «колбас». Первые «абалаковские» были пошиты вскоре после ВОВ.

И что у вас, ребята, в рюкзаках? Пусто. И ладно, уже есть чем набить.

Рюкзак — это очень хорошо, ведь тащить нажитое мне не в чем...

Тут я поймал себя на мысли, как же мне нравится вся эта изба!

Неправильная в чем-то, с дурацким средневековым камином посередине комнаты, без толковой мебели и оснащения... А все равно нравится, даже настроение поднялось. Вот бы себе такую заиметь, да на той, родной Земле! Решено: если мне суждено будет вернуться из этой заграничной командировки — отстрою в ближнем Подмосковье полную копию.

И в этот момент во дворе что-то взбегнуло!

Я осторожно перебрался по опилкам к дальнему слуховому окну, чуть высунулся.

На поляне спокойно стояла и нагло жрала мою кровную травушку-муравушку самая настоящая косуля. На тонких ножках, с длинными острыми рожками, в мелких пятнышках бочок. Что ж, попробуем аккуратненько спуститься и отведаем сполна охотничьей славы. Стены у избы толстенные, надеюсь, моей возни хрумкающий зверь не услышит. Надо же обновить покупки! Так что...

«Ваше слово, товарищ маузер».

ГЛАВА 2

Выживальческая. Особо полезна желающим повыживать

Если уж ты решил что-то делать, то делай это на совесть, капитально и с полной отдачей. Ну а если не можешь — лучше не делай вовсе. Золотое правило, я ему последовал.

Практически ничего не делал.

Три дня валялся пластом на широкой лавке. Ну не все время, конечно, — свой дом в глухом лесу есть хозяйство сложное, многотрудное, требующее постоянного приложения сил. Воду набрать, печь, то есть камин, натопить, еду приготовить...

Акклиматизация проходила очень тяжело.

Когда ты едешь в отпуск, то этапами проходишь порты отправки и пересадки, ждешь вылетов, сидишь по нелетной погоде. Как всегда у нас в стране, все дороги ведут в Москву, без

такого визита просто никуда не попадешь, там главный хаб, «наше летное все», яти его. Редко я летал прямыми рейсами в Сочи, всегда бывали дни передышки, передержки себя, любимого, в умеренном климате. Даже несколько дней в Норильске, отведенные самому себе для «зависа», облегчают акклиматизацию, если ты летишь с самого севера полуострова. Но сейчас меня перекинули нагло, грубо, рывком — из климата Арктики в нечто горно-сочинское. Даже юношеский организм такого бесцеремонного обращения не выдерживает, что уж говорить о человеке взрослом.

Косулю я стрелил. С первого маузеровского выстрела. И после этого пистолет мне решительно понравился, мощное оружие. Веский аргумент, хорошее подспорье.

Хвастаться особо нечем, дистанция плевая. Разве что... все сделал достаточно тихо, чтобы не спугнуть дичь. Дам совет: если есть возможность и умение — копытному стреляйте в шею. По корпусу — подожметса от удара и прыгнет. А где один прыжок-рывок, там и второй-третий. Ходи потом, добрай по кровям... При попадании в шею зверь не прыгает, он, как правило, крутанется в шоке. Скорее всего, на месте же и ляжет. Для милитаристов: тут как с часовым. Режьте шею — никуда не побежит, шеей же и озаботится. Я сам, к счастью, часовым горло не перехватывал, однако так и поступлю, коснись что. Да... Уже задумывался и над такими перспективами. Столько пушек натолкали мне за пазуху, что очевидность намерений гадского Писателя столкнуть меня лбом с агрессивной человеческой средой сомнения не вызывает. Вот и думал... Как смогу? Чем смогу? Насколько быстро смогу? Человека убивать мне не приходилось. Не бандитствовал, не воевал. Пожалуй, я один из немногих попаданцев — не сисадминов и ролевиков, — кто не шастал в «горке» по рубежам и не валил нехороших по обеим сторонам Главного Кавказского хребта. Но я, как мне кажется, придумал ход!

В случае нужды попробую отнестись к зарезаемому или застреляемому человеку как к охотничьей добыче. Хорошо бы, чтобы получилось.

А на что мне еще опереться прикажете? В охотничьем деле у меня давно выветрились любые комплексы, особенно после сезона, проведенного в составе заготовительной охотбригады, — «на отстреле», как говорят на Севере. Олени стада мы били на переправах — такова практика, скупно и точно расхо-

дуя «гладкие» патроны, выстрелом с моторки, в упор по плывущему через реку беспомощному зверю. После чего туши вязанками — олень не тонет в воде, мех у него полый, держит животное на плаву — перли на берег, к базе-площадке, на разделку. Там туши цепляли на крючки специального транспортера и тянули к разделочным столам.

Вот и я вкалывал, как поначалу все новички, на этом самом посту — «на дерьме». Нормальное обзывание адской работы, да? Скажу я вам... это не работа, это «песня дерьмодава». Умение вынимать бутор неповрежденным, как ни старайся, к тебе приходит не сразу — и нанюхаешься, и насмотришься. Надо сказать, расклады я понял быстро, быстро же научился, проявил себя, а потом и закрепил.

И отправился работать капитаном артельной самоходной баржи — пятнадцатиметрового суденышка местного производства, маленького речного трудяги. Возил туши в поселок, где их складировали в огромных подземных холодильниках. Дали мне бинокль, рацию, рукописную лоцию, исправленную раз пятьдесят аж с сороковых годов, когда она и рисовалась в первый раз, показали управление, вставили в задницу нотаций — и в путь. И пошел! Нормально так откатался два месяца.

После этого любая возня с убиенными живыми существами меня пугает не больше, чем Дед Мороз в синем халате.

Но с косулей пришлось повозиться.

Во-первых, она большая. Я до сей поры косуль не бил, но не в девятнадцатом веке живем, на экране видел не раз — местные косули существенно больше. Вторая проблема — куда девать отходы, бутор и костяк? По-хорошему, для этого нужно соорудить глубокую яму, а потом ее засыпать. Оставлять гниющие отходы на свежем воздухе нельзя: и самого вонища задушит при смене ветра, и хищный зверь неизбежно подтянется, начнет исследовать местность кругами, выискивая попутное. А я уже представил размеры последних, если тут такие косули бегают. И не только косули! Зайчика видел. Стрелять не стал, мясо уже есть, а по азарту я дичь не бью. Взрослый заяц, достойный противник в рукопашной. Так что хищники нам тут не нужны.

И шкура косули мне не нужна, валандаться прадедовскими аборигенными способами с возюканьем по мездре смесью толченых мозгов с зольной водой у меня не было не малейше-

го желания, как и гробить на скоблении единственный нож в отсутствие бруска. Так что прости уж, Робинсон Крейцнер, в одежной моде я тебя не поддержу, обойдемся без шкур, как-нибудь в своем похожу.

Поэтому решил я всю трюбуху просто сжечь: дров тут навалом. Вонючка тоже будет еще какая — но другая, не гнилостная. Горелый мясной запах говорит: «Тут какой-то чудака либо спалил дом, либо очень богат, чтобы жечь съестное. Но это — человек, со всеми его чудацкими железными огнеплюющими штуками». Запах же тухлятины всегда говорит хищникам лишь одно — иди и смело жри!

Забеловал я зверя, а потом прямо на шкуре и развалил.

Топора пожалел, поэтому кости бил обухом, оставляя себе только самую вкусную «мозговку», остальное — в костер, один хрен не успею все переработать, пока не начнет портиться. Вытащил лишь серо-белые жилы спинного хребта, измазал их зольной кашей и положил в прохладце — пусть откиснут, пригодятся.

Жарко тут, жаль, холодец не сладится.

И мой любимый фокус с ответхранением на открытом воздухе тут не прокатит — это вам не тундра. Там воздух и почва практически стерильны, ни одна бактерия не летает. Да и с мухами небогато. Здесь же с этими падлами все в порядке — синие, жирные. Материк... Так что наварим-ка мы крепкого бульона, который придется постоянно кипятить, чтобы не превращать единственный котелок в чашку Петри. Часть костей прокоптим на горячую, а все путное мясо, что не поедет в желудок свежееобжаренным или вареным, — закоптим-зажарим тонкими полосками вместе с костями на повышенной температуре. Такой запас долго храниться может. Про хаш слышали? Кочевники в древности так и делали: прокоптят кости — и в мешок их, потом вываривают до изумления. Консервы такие. О нормальном копчении, сразу скажу, забудь, книжный попаданец, — ты себе просто не представляешь, что это такое и сколько оно — нормально-достаточное — длится... Делай, как я, слушай опытных людей.

Все эти три дня я жил в режиме: «Не пылится ли дорога, не идет ли оккупант». Деревянные мишени из сучьев и коряг расставил, пострелял немного — и в дом. Во дворе повозился, топориком потюкал — и на чердак. Посидим, послушаем, по-

смотрим на птичек лесных... Выходите, выходите, изверги, не прячьтесь! Встретим как родных, уже дослал. Спокойно? Тогда выходим упражняться или работать.

Вечером первого дня я устроился на улице, вытащил с чердака табурет, сел поудобней, с трубочкой, кружкой и пестиками, и начал изучать звездное небо. Небо вполне земное: вот Кассиопея, вот Медведицы. Небо чистое, прозрачное, даже Алькор различил... Так, вон там — почти точный север. А как дело обстоит с искусственными спутниками? Спутников не было видно, как и навигационных огней пролетающих на высоте десять тысяч метров самолетов. Не пролетают тут самолеты. А комары пролетают, крупные. Правда, во вполне терпимом количестве — сказывается высота, сухость и продуваемость места. Представляю, сколько их роится в той низине или ущелье, куда скатывается ручеек.

Всю первую ночь я проспал на чердаке. Окна в доме закрыл, занавесил, чем придется, от чужого бинокля. И поднялся наверх. Проснувшись, сперва послушал лес, оглядел поляну через слуховые оконца, потом спустился вниз, посмотрел уже в окна. Что тут у нас? К пахнувшей дымом хижины зверь не полезет. Человек — может.

Однако людей в лесу я боялся все-таки меньше, чем хищного зверя. Человек к моей поляне так скрытно лесом пройти не сможет: сойки взлетят, галки закричат, кусты затрещат. Да что там птицы — наблюдательный человек заметит признаки тревоги даже по бабочкам и стрекозам.

И звуки. После хотя бы одного дня, проведенного в лесу в полном одиночестве, ваша личная «система безопасности» настраивается и уже прилично различает привычные звуки от посторонних, первозданному лесу чуждых. Тресь! — а это всего лишь с дерева упала ветка, она характерно валится, цепляя другие. Кусты почти не возмущаются, высокая трава почти не ухает, принимая тяжесть. Вообще-то подобных вертикальных движений в лесу много, это стоит осознать — они привычны, вечно что-то падает. Или птица — села на куст, он и прогнулся вниз. А вот горизонтальные — всегда тревожны. Так что, если вы захотите резко спрятаться, — присядайте, а не порхайте в сторону: заметят. Ну и на закуску... Как говорил мой первый сержант: «Нет ничего более идиотического, чем бегущая елка», — это к вопросу о желании многих нацепить на себя куски обломанной флоры.

Тут такой нюанс: человек, даже самый опытный и тренированный, всегда издает звук «чуждый». А зверь — «свой», лесной. Он вырос тут, вжился в среду. Поэтому медведь треснет веткой так — а он треснет, мифы о бесшумности лесных хищников живучи, но глупы по определению, — что вам это покажется звуком лесным. Если на этой планете есть люди, а они тут есть, судя по врученному мне «боевому уставу», то птицы знают, что это за страшная тварь, — среагируют особо, всегда и издалека. Я уже не говорю о запахе. В лесу мы воняем своим телом, железом и синтетикой не просто заметно, а с вопиющей наглостью, за что всегда наказаны повышенным вниманием всего тут сущего.

Нужно выждать и приготовиться. В хищном лесу — вооружиться... Приготовиться.

Приготовлению порой мешают мифы. Люди живут не только среди фактов, но и среди мифов. Мифотворчество есть неременная и обязательная часть создания истории, но именно в случае с огнестрельным оружием, с самого начала его освоения, этот феномен приобрел, пожалуй, самостоятельное значение в виде самостоятельного жанра. Жанра «экспертных баек». Окрепшие в сетевых спорах точки зрения и убеждения бойцов, полярников, геологов, туристов, охотников и рыбаков давно превратились в постоянно и надежно востребованный слушателем и читателем продукт. Продукт этот не только развлекательно-сетевой, но и познавательно-практический, а часто еще и аналитический. К удивлению многих скептиков, именно эти сочинения куда как лучше помогают понять роль оружия в обществе, чем все сухие отчеты и исследования специалистов.

Городские оружейные легенды ничуть не менее привлекательны, чем мифотворчество реальных практиков, которых, кстати, очень мало, — они точно так же оживляют серый облик повседневной действительности, наглядно показывая нам, как романтично можно жить с оружием в руках. Само наличие мифов сомнений ни у кого не вызывает, споры идут лишь об их происхождении, качестве и практической ценности. Все это требует отдельного анализа, вполне, кстати, научного. С легендами оружейными по степени массового воздействия могут сравниться лишь легенды выживальческие. Опасность начинается тогда, когда уважаемый эксперт оши-

бается, что рано или поздно неизбежно происходит. Дорогая получается ошибка.

Мифы, мифы... Как же вы порой вредны, как опасны. «Самый страшный зверь в лесу — это человек», к примеру. Не нобелевская мудрость. Человек опасен умом и вооруженностью, что об этом говорить попусту, — очевидное. Но далеко не каждый человек, встреченный вами в лесу, опасен.

Волк же — любой. Стая одичавших собак — любая. Сами стаи одичавших собак, неугасимым инстинктом хищников сбитых в крепкие бандитские коллективы, — далеко не слух и не легенда, а самая серьезная опасность и всегда проблемная действительность. Такая стая, барражирующая за городом в поисках пропитания, представляет реальную угрозу жизни, ведь привычки и поведение человека эти хищники знают отлично, а эффективно охотиться на оленей, как волки, они не умеют. Взрослые могут верить или нет в такую угрозу, но наши дети отлично знают про эти стаи — вот тут и располагается массив легенд. Печальных. Про разорванных и съеденных. Про то, как дети всей ватагой убежали от осатаневших псов, как чудом остались живы, как спаслись, лишь вскарабкавшись на газопровод или трубопровод, крыши дальних гаражей. Взрослым надо бы своевременно прислушиваться к таким рассказам, а властям оперативно и эффективно принимать меры, не пытаясь выровнять на весах право хищных диких стай и жизни наших детей. Но мы детям про это почти ничего не рассказываем. Конечно, про маньяков ныне полезней и актуальней — эта кино-и телемода заслоняет все другие опасности, вполне реальные.

Медведь чрезвычайно опасен — каждый. Голодная рысь очень опасна, матерая росомаха будет вас вести долгими километрами, оценивая ваши шансы случайно травмироваться. Спорить тут не о чем. Статистика вещь упрямая — сколько гибнет в год от нападения лесных злодеев? А медведей, волков, одичавших собак? Не любят об этом лишний раз говорить, не хотят будоражить население. Но есть у меня дома набор фоток. Жаль, показать никому уже не могу. Хотя о чем я! Чувствую, тут такие фотки будут...

К опасности человека нас еще город приучил, там, кстати, он, человек, наиболее опасен. Но к этой опасности вы уже привыкли, осознаете и более-менее представляете, как себя вести, что делать. А что делать, если на вас медведь напал? Ко-

лом стоять, как советуют некоторые, — живым шашлыком? Типа, он же тупой, медведь, он оценит неподвижность английского мохнатоголового солдата в карауле и передумает вас жрать! И уйдет есть коренья. «Именно так! — говорят некоторые эксперты. — Зверь пойдет искать добычу полегче».

Да нет в лесу более легкой добычи, нежели одинокий человеческий олух!

Про самооборону против злонамеренного человека вы смотрите телепередачи, может быть, даже на курсы по средам ходите. А к опасности, исходящей практически от любого дикого зверя, готовы? Поймали вы, например, крошечную, насквозь пушную, ласку — сдуру. Опасно это? Еще как. Скорее всего, вы уже без пальца, стилусом в фейсбуке пишете...

Звери и люди.

Я слушал и высматривал и тех, и других. И до поры таился ото всех, как герой Дефо, ох, еще не раз он мной упомянут будет. Помните его поведение в первые островные дни, более чем опасливое? Это правда, поэтому такой книжке веришь. Не спешите, найдитесь в обстановке.

Тут главное — палку не перегнуть.

Иначе опасение очень быстро перерастет в навязчивый вьедливый страх, из объятий которого вам в дальнейшем освободиться не удастся. Уловите тот момент, когда поймете: «Я уже осмотрелся и освоился, пора заявлять свои права». Уверяю: те, кому положено это сделать, ваши намерения и решимость почувствуют. Если же позволить чувству неведомой опасности поселиться в сердце после того момента, как освоились на месте, поняли его и привыкли к видам вокруг, — то вы затворник. Так и начнете придумывать причины и мотивы для оправдания своей «практической неподвижности». А со временем вам станет просто страшно выходить за двери жилища.

Стрелял я охотно, с удовольствием. Из «смига» — немного, вещь знакомая, в чем-то даже родная. Да и дальше десяти метров из этого гаджета палить не собираюсь, не реал. Маузер — совсем другое дело. Жаль, нет в моих угодах достаточной дистанции на установку мишени — полянка маленькая. А так вполне допускаю, что и на сотню метров из этого аппарата пули можно сажать достаточно точно. Сто патронов я определил себе на учебный пожог... Опять слышу дру-

зей-«тактиков» с их вечным: «Мало! Мало!» А мне было жалко до смерти, хоть режьте! Где новые братья буду? Это же сто ко-силь! И спалить такой припас в белый свет, как в копеечку? Ты в уме ли, Федя?

В итоге «зеленая сторожиха» не выдержала, вмешалась и заблокировала местечковые соревнования по стрельбе на шестидесяти сожженных патронах. Ну его на фиг, я не Крез. Все едино на таком ресурсе не научусь стрелять мастерски: познакомился, опробовал, представляю — и хорошо. Подумал о том, что неплохо бы предусмотреть пальбу с двух рук, в критический момент, но ничего хорошего из этого не вышло. Не развита у меня левая, никогда спецом ее не тренировал — не было необходимости. Взял «смит» левой, «мазу» в правую — полная хрень, расход патронов без пользы. Еще немного поупражнялся — и на том тренировку закончил, представляя, чего бы я наслушался в Москве от друзей.

Странные люди эти «тактики». Порой у меня складывалось впечатление, что многие из них реальной жизни просто не знают. В прошлой жизни я очень редко вмешивался в их профильные споры, это фехтование тысячу раз выверенными, как им кажется, аргументами. И неизбежными штампами. «Зачем плодить разноразной в боеприпасе, это очень плохо!» Плохо где? На войне. В армии. А в жизни? А в жизни все по-другому, тут все жизненно, как карта ляжет. Знаете, что на полярных станциях теперь оружия нет? Не положено. Умереть не встать: кругом белые медведи, а оружие полярникам не положено: нет, видите ли, на станциях условий для хранения — и не выдают! Вот и берут люди свое, если оно есть, конечно. Кто что. Какая тут может быть унификация?

Знаю многих, кто, обладая двенадцатым, категорически отказывается от «двадцатки» — зачем, мол, если гладкий ствол уже есть? А по мне — так в лесной ходовой охоте лучше «двадцаточки» вообще ничего нет: легкие, маневренные, носить их одно удовольствие, стрелять — тем более, об отдаче не думаешь, таскать меньше, звук потише, зверь успокаивается быстрее. Двенадцатый калибр заставляет стрелять точнее, думать чаще. Однако он не моден. Раньше двенадцатый был не моден, в СССР стреляли шестнадцатым калибром, ныне практически забытым. Кстати, знаю пару закоренелых браконьеров, которые, кроме «двадцатки» и «мелкашки», никакого другого оружия и не признают. «А зачем нам грохот на

весь лес?» К чему все это говорю? К тому, что, опровергая мифы, не стоит плодить новые. Люди, будьте гибче, вдумчивей, адаптивней. И спокойнее. Ваше от вас никуда не уйдет, если вы всерьез намерены это взять, конечно.

Впрочем, никому ничего не навязываю. Вам жить. Я живу — так.

На четвертый день отправился на разведку.

Решил так — высоты терять не буду. Еще один штамп: экстренно спускайтесь вниз, к рекам и дуйте вдоль потоков, постепенно выходя к рекам большим — мол, люди по рекам селятся. Хрень все это. Люди давно уже селятся не по рекам, а по дорогам, в нашей стране есть куча рек, больших и малых, где тысячами километров — безжизненные места. И все потому, что нет дорог. Высоту стоит покидать лишь тогда, когда там негде жить и нечего есть. В противном случае высота — ваш единственный шанс получить наиболее ценную информацию об окружающем мире, добраться до кругозоров и увидеть воочию земли окрест. В моем случае, имея столь шикарную базу, валиться в овраги через буераки и заросли плотного кустарника нет никакой необходимости. И искать мне нужно не реки, а дороги.

А вот если этот мир настолько древний, что в нем нет дорог... Тогда дело кислое. Тогда, скорее всего, в первой же речной деревне, которую исцарапанный дурень с убитой на курумнике обувью и струпьями на ногах вскоре найдет на свою голову, его сразу превратят в раба. В том случае, если не сожрут под мозговой горошек. Это к вопросу о поисках жилища методом лазанья по таежным провалам и ущельям. Больше скажу — бойтесь ущелий. Думаю, и альпинисты со мной согласятся.

Разведку я начал вести кругами.

Основная цель — посмотреть, как выглядит твое место со стороны, определить и надежно запомнить основные ориентиры. Радиус будем повышать установленным шагом, пока не наткнемся на что-либо интересное, информативное. Первый круг я сделал на удалении в пятьдесят метров и довольно быстро определил пару деревьев, приметных с большинства ракурсов. Второй — через сто метров, хоть и лень было. На тропы особого внимания не обращал. Каждый лес полон ими, многие думают, что тут ходят грибники или охотники. Ну да,

тропами... Троп в этом лесу много, живности хватает. Тропы эти не людские — зверовые, при определенном навыке нетрудно предположить, что за зверь их проложил. Сшибает он, как лось, вылезшие поверху ветки, или же натоптанная тропка вдруг ныряет в низкие кусты, выдавая очередной путь кабаньих миграций. Эти тропы — не ваша цель. Зверь идет по своим делам, к пастбищам, местам засад, к водопою или к лежке — ничто из того меня сейчас не интересует. А вот к дороге зверь не пойдет, даже если умеет пересекать ее в ускоренном темпе в случае необходимости.

Вскоре я уже неплохо представлял себе пятно своей местности и особенности здешнего ландшафта: не заблужусь, издалека примечу. После чего сделал неожиданное для многих — спокойно пошел назад, на поляну. Секрет прост: тут стоит перезагрузиться. Знаете, как перед экзаменом. Если тебе удалось поспать хотя бы пару часиков перед решающим броском в институт — сам удивляешься, сколько же ты запомнил, а! Не удалось, тупо прозубрив всю ночь, — так и будешь тупарем сидеть перед преподавом, удивляясь на следующее утро: почему не сдал-то?! Ведь помню же!

Попил я неспешно чайку, закусил мяском с лепешками, покурил всласть трубочку. И опять направился в чашу, уже уверенно, зряче. Заглубился метров на двести и практически сразу же нашел искомое.

Передо мной лежала дорога. Лесная грунтовка обрывалась практически у моих ног.

Аккуратненько так обрывалась, точно под девяносто градусов обрезанная поперек перед тремя соснами. Все ровно как в мультфильме. Такого не бывает, даже если допустить, что по лесу варварски прокатился тяжелый трактор «Катерпиллер» с мощным отвалом, а следом — тяжелый грейдер. Поваленных деревьев нет, словно их заботливо убрали, но нет и поврежденных. Грунтовка, лежавшая передо мной, была ровная, прямая как стрела, неплохо спланированная и со следами. Застарелыми следами проезда автотранспорта. Или транспорта колесного, так точнее. Тут такой нюанс: следы тоже обрывались прямо возле трех сосен. Бывает? Нет, скажите, как этого можно добиться, а? Колесную ось перед собой выкатить? И лишь через некоторое время я сообразил: так выглядят писательские штучки, халатность Кукловодов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Краткое досье</i>	5
<i>Глава 1.</i> Пробуждение. Особо интересна «попаданцам в перспективе»	5
<i>Глава 2.</i> Выживальческая. Особо полезна желающим повыживать	27
<i>Глава 3.</i> О странствиях ночных, в которых главный герой оказывается на высоте.	47
<i>Глава 4.</i> Новые открытия и знакомства, проясняющие, упрощающие и настораживающие.	66
<i>Глава 5.</i> Вживание в образ. Швейцария — странный островок среди мутной воды.	88
<i>Глава 6.</i> Двое ненормальных в ненормальном мире. Движения и планы.	111
<i>Глава 7.</i> Дела скучные сухопутные и не совсем скучные речные . . .	137
<i>Глава 8.</i> Путь на юг — шпиономания, искания и приключения. . . .	162
<i>Глава 9.</i> Где Федор пытается вспомнить Киплинга, развивает верхнее чутье и вычисляет индекс Shanghai Composite	184
<i>Глава 10.</i> Вечные сцены. Таймырский д'Артаньян и три восточных мушкетера.	211
<i>Глава 11.</i> Где Федор Потапов тихо поет: «Не судьба меня манила и не золотая жила, а таежная моя кость... И природная моя злость...»	233
<i>Глава 12.</i> Прощай, такая разная «New Юго-Восточная Азия». Впереди — край Ойкумены.	259
<i>Глава 13.</i> Вниз по Великой реке. А на таких реках плавание скучным не бывает.	282
<i>Глава 14.</i> Вдоль опасных берегов. Нежданные встречи и знакомства	302
<i>Глава 15.</i> Нейтральные воды океана, дикий берег и Тайна — разве не об этом мы мечтаем?	322
<i>Глава 16.</i> Правильный Путь никогда не заканчивается. Все ли из нас понимают это?	345